

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие социальных и политических процессов на огромном постсоветском пространстве привлекает внимание многих ученых и политиков. Распад СССР вызвал множество разнообразных процессов и явлений, последствия которых будут сказываться еще не одно десятилетие. Распад СССР сопровождался осознанием ошибочности некоторых представлений, которыми руководствовались общество и политические лидеры на протяжении нескольких десятилетий, определяя стратегию своего развития, создавая институты для достижения конкретных целей.

Политические режимы, образовавшиеся на пространстве бывшего СССР, демонстрируют различия в темпах демократизации государственной власти и публичной политики, в уровнях развития парламентаризма, политических партий и политической конкуренции. За 20 лет с момента распада первого социалистического государства на его обломках возникли 15 новых независимых государств, каждое из которых имеет различный опыт государственного строительства, модели организации политической власти, культурные особенности и геополитическое положение.

Но при всех явных различиях в большинстве новых независимых государств сохраняются схожие проблемы, обусловленные как общим историческим прошлым, так и стоящими перед ними общими проблемами. Перед всеми странами постсоветского пространства стоят задачи консолидации власти и общества, государства и нации, модернизации и демократизации социально-экономической и политической жизни, интеграции в глобальное общество.

Актуальность работы обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с формированием и развитием институтов демократии и политической конкуренции на постсоветском пространстве. Следует отметить, что вопрос о сущности и специфике политической конкуренции в транзитных обществах, ее отличиях от конкуренции экономической, обычно не затрагивается в научной литературе, хотя он принципиально важен для понимания смысла и содержания демократии как таковой.

Несмотря на значимость сравнительных исследований политических процессов и институтов на постсоветском пространстве, в российской политической науке ощущается недостаток работ на эту тему. Только в последние годы стали появляться отдельные

работы историков, экономистов, юристов, посвященные этой теме¹. Все исследователи, занимающиеся изучением политических процессов и институтов на постсоветском пространстве, сталкиваются с одними и теми же теоретическими и организационными проблемами.

Во-первых, это выбор теоретико-методологических оснований исследования. Политические и социально-экономические процессы на постсоветском пространстве столь разнородны и многообразны, что их сложно анализировать с позиций какой-то одной теории. Ни теории модернизации, ни теории демократического транзита в полной мере не способны описать происходящие здесь процессы. Поэтому авторы данной работы в качестве теоретической базы исследования взяли институциональный подход, который, по нашему мнению, с учетом предмета исследования в наибольшей степени удовлетворяет поставленным целям и задачам.

Во-вторых, это выбор методов и процедур получения информации. Не все политические режимы постсоветского пространства придерживаются политики открытого доступа к информации. Политическая история постсоветских государств хранит еще много тайн, многие участники важных политических событий еще живы. Они либо находятся у власти, либо уже удалены от нее. Но в том и другом случае их описание событий часто грешит необъективностью, что осложняет научное исследование.

В-третьих, это выбор переменных, по которым можно сравнивать политические процессы и институты. Направленность и темпы преобразований в разных обществах и государствах постсоветского пространства столь различны, что спустя 20 лет после распада СССР порой трудно поверить в то, что еще недавно они входили в состав одного из самых больших и сильных государств мира.

Сравнение политических институтов и процессов требует определенных научных процедур, создания четкой концептуальной схемы исследования: начиная от разработки понятийного аппарата, выдвижения гипотез, операционализации основных понятий, выбора адекватных объекту исследования переменных, их превращения в индикаторы и индексы и кончая непосредственным измерением качественных характеристик изучаемого политического процесса, получением эмпирических данных и их научным обобщением.

¹ СССР после распада / под общ. ред. О.Л. Марганя. СПб.: Экономическая школа, 2007; Постсоветское пространство в глобализирующемся мире. Проблемы модернизации. СПб.: Алетейя, 2008.

Достоинство сравнительного метода заключается в том, что он позволяет перейти от описания национальных политических процессов к исследованию региональных и отчасти глобальных процессов. Он помогает освободить научное исследование от этноцентрической зависимости, возникающей вследствие погруженности исследователя и самого объекта исследования во вполне определенную национально-культурную среду. Политика любого национального государства или негосударственного политического института может быть адекватно понята только в сравнении с политикой другого государства или аналогичного института. Сравнивая политические явления и процессы своей собственной страны с аналогичными явлениями и процессами других стран, мы лучше их понимаем.

Сравнительный метод все больше находит себе применение в современной политической науке, поскольку в последние десятилетия усиливаются тенденции к межкультурному и межгосударственному взаимодействию, образуются корреляционные зависимости между политическими изменениями, одновременно охватывающими несколько стран или несколько регионов. Достаточно здесь привести пример с процессами демократизации, чтобы подчеркнуть то значение, которое все больше играет метод компаративного анализа в современной политической науке.

Существуют несколько видов сравнительных исследований: case study, бинарное сравнение, региональное сравнение, глобальное сравнение, кросс-темпоральное сравнение. Их описание содержится в целом ряде работ¹. В данном случае авторы стремились придерживаться принципов бинарного сравнения. Такое сравнение представляет собой стратегию исследования двух стран с целью выявления общего и особенного в их политическом развитии. Обе страны могут быть как максимально похожи, так и, наоборот, существенно отличаться друг от друга.

В данной работе в качестве объекта выступили две достаточно похожие друг на друга с политической точки зрения страны: Россия и Казахстан. Политические лидеры обоих государств поставили свои подписи под Беловежским соглашением в далеком 1991 г. Обе страны одновременно вступили на путь демократизации и проведения рыночных реформ, их политические системы роднит наличие сильной президентской власти при ограниченных функциях парламента, обе достаточно успешно решили основные задачи переходного

¹ См. *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология. 1994. С. 176–183; *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология. М., 2002. С. 48–54.

периода, демонстрируют сравнительно высокие темпы социально-экономического развития, отличаются политической стабильностью при относительно низком уровне политической конкуренции. Собственно феномен политической конкуренции на постсоветском пространстве и является основным предметом исследования. Авторы стремились проследить процессы институционализации политической конкуренции двух стран в контексте их внутривнутриполитического развития, избегая проведения прямых аналогий и сопоставлений. В этом плане работу можно отнести к косвенному сравнительному исследованию, поскольку любой другой объект сравнения, считающийся несхожим, рассматривается в зависимости от собственного видения исследователя. Это замечание важно при ознакомлении с работой, поскольку в ней нашло отражение авторское видение проблемы. И в этом плане оценки развития политической конкуренции в России могут не совпадать с оценками ее развития в Казахстане. Сравнение России и Казахстана, несомненно, должно способствовать росту интереса к каждой из них. Но самое главное, оно должно лучше раскрыть общие тенденции развития политической конкуренции на постсоветском пространстве.

Когда в отечественной политической науке делают вывод об отсутствии или угасании политической конкуренции в России, ссылаясь при этом на опыт западноевропейских стран, то сознательно или неумышленно упускают из виду тот факт, что в этом регионе демократические институты существуют несколько веков, на протяжении которых процессы демократизации сменялись процессами дедемократизации, падения уровня реальной политической конкуренции или превращения ее в политический фарс. За длительностью периода существования демократии в Европе как бы стирается в памяти тот факт, что она не всегда была устойчивой и необратимой формой правления. Как подчеркивает Ч. Тилли, опыт Франции «категорически опровергает представления о демократизации как о постепенном, продуманном и необратимом процессе, как о готовом наборе политических изобретений, который народ просто применяет там и тогда, где и когда он к этому готов. Напротив, опыт Франции демонстрирует, что необходима борьба и толчок как для построения демократии, так и для отхода от нее»¹. Этот вывод можно распространить на большинство современных демократий. Ч. Тилли прекрасно доказывает свой тезис, обращаясь к истории не только Франции, но и Индии, Швейцарии, Италии, ЮАР².

¹ Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 51.

² Там же. С. 70–78, 87–93, 132–138.

Если процессы демократизации в старых демократиях имели нелинейный характер, то почему они должны быть такими в постсоциалистических странах? Если в Европе периоды демократизации сменялись периодами дедемократизации, точнее говоря, периодами авторитарного правления, то почему аналогичные процессы не могут быть свойственны новым демократиям? Чтобы разобраться в этих вопросах и найти на них ответы, нужно проводить научное исследование.

Несмотря на актуальность сравнительных исследований политических процессов и институтов, в отечественной политологии наблюдается дефицит работ, в которых рассматриваются проблемы развития политических партий и политической конкуренции на постсоветском пространстве. В большинстве трудов анализируется партийная политика какой-либо одной страны, чаще всего России¹. Немногочисленные исследования, посвященные сравнению институтов политической конкуренции и политических партий на постсоветском пространстве, принадлежат зарубежным ученым². Только недавно появилась первая работа отечественных политологов по данной тематике³. Но она лишена единого методологического подхода и в основном охватывает период 90-х гг. XX в.

В современной политической теории утверждение, что политический плюрализм и конкуренция являются одними из важнейших характеристик демократии, стало общим местом. Действительно, современная форма демократии прежде всего ассоциируется с конкурентной борьбой партий за политическую власть. Партии и конкуренция между ними за возможность участвовать и осуществлять правительственный курс являются фундаментальной характеристикой современной политики. Конкуренция между партиями может существовать как в авторитарных политических системах, так и в демократических. Хотя природа и содержание политической конкуренции в одном и в другом случаях будет существенно отличаться. Современная представительная демократия основывается на конкуренции партий и их лидеров за право осуществлять политическую власть, формировать представительные органы государственной власти, определять основные направления внутренней и внешней политики.

¹ Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: ИНДЕМ; МГПУ, 2007.

² *Meleschevich A.* Party system in post-Soviet countries: A comparative study of political institutionalization in the Baltic states, Russia and Ukraine. N. Y. : Houndmills : Palgrave Macmillan, 2007.

³ Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства: сборник статей. М.: ИНИОН, 2009.

В современной политике можно выделить много факторов, способствующих или, наоборот, препятствующих развитию политической конкуренции. Это институциональные и экономические, социальные и культурные, религиозные и этнические факторы.

В политической науке сложились два основных направления исследования электоральных систем и политической конкуренции: институциональное и социологическое. В рамках социологического направления обращают внимание на поведение избирателей и социальные факторы, его обуславливающие. Поведение избирателей является главным объектом исследования. Оно рассматривается как зависимая переменная, определяемая социально-структурными факторами, такими как пол, возраст, социальное положение, место проживания, этническая и религиозная принадлежность, политическая идентичность и т. д. Это направление всегда находилось под сильным влиянием бихевиорального подхода в политической науке, иногда его еще называют бихевиористским подходом¹. В рамках данного направления избирательная система является только одним из факторов, опосредованно воздействующих на поведение избирателей. Она задает границы политической конкуренции, способствует формированию партий и партийной системы, ориентации на которые оказывают влияние на электоральный выбор избирателей.

Институциональное направление исследования электоральных систем и политической конкуренции является наиболее распространенным. Оно включает в себя комплексный анализ институтов, процедур, норм и практик выборов. Особое внимание в рамках данного направления уделяется вопросам воздействия избирательных систем на электоральное поведение, на процессы формирования и развития партий и партийных систем, а также института парламентаризма. Исходя из целей исследования, в качестве зависимых или независимых переменных могут выступать такие характеристики, как значимость электоральных округов, процедуры голосования, правила распределения мест, величина заградительного барьера и т. д.²

Изучение партий и политической конкуренции традиционно относится к компетенции политологии и политической социологии. В западной и отечественной политологии политическая конкуренция в формате партийных систем изучалась Н.В. Анохиной, П. Бурдые, Т. Ванханеном, М. Вебером, Р. Далем, Э. Даунсом, М. Дюверже,

¹ См.: *Выборы и партии в регионах России* // Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой, С.М. Рыженкова. СПб., 2000. С. 13, 18–24.

² *Сморгунов Л.В. Сравнительная политология*. СПб, 1999. С. 217.

Г.Г. Кичхелтом, Ю.Г. Коргуноком, А.Н. Куликом, А. Лейпхартом, С. Липсетом, Р. Марковски, Е.Ю. Мелешкиной, Р. Михельсом, М. Острогорским, Ст. Рокканом, Дж. Сартори, Р. Таагапера, М.С. Шуграртом и др. В рамках теории общественного выбора политическая конкуренция исследовалась Р. Гантером, Дж. Линцем, Дж. Монтеро, Р.М. Нуревым, А. Панебьянко.

Политическую конкуренцию в России в аспекте властных отношений анализируют И. Бусыгина, С.В. Рогачев, В.И. Рьжков, Г.А. Сатаров, В.С. Комаровский; а в контексте политических технологий — А.П. Ситников, Н.Ю. Беляева, Е.Г. Андрущенко, В.Г. Пушкарева, В.Г. Расницын, Л.С. Варгазарова, Е.И. Башкирова, М.П. Бочаров, В.А. Губернаторов, А.А. Чеснаков, В.А. Пызин, В.Э. Банков, В.В. Петухов, Е.Б. Шестопал, Д.А. Юрьев, Ю.Б. Красин, С.В. Устименко, Л.Н. Поляков и др.; в аспекте развития многопартийности — Н.В. Анохина, А.Н. Аверьянов, Н.А. Васецкий, Е.Ю. Мелешкина.

Проблемы политической конкуренции в институциональном аспекте нашли отражение в работах Н.А. Баранова, С.Г. Кирдиной, В.В. Лапаевой, Г.В. Голосова, А.Н. Олейника, П.В. Панова, С.В. Патрушева, Б.Л. Страшуна, В.Л. Шейниса, А.И. Соловьева.

Исследованием политической конкуренции в среде российской политической элиты занимались М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, Я.Г. Ашихмина, В.Я. Гельман, О.В. Гаман-Голутвина, Г.В. Голосов, А.В. Дука, Г.Г. Дилигенский, А.Ю. Зудин, Т.Н. Заславская, И.М. Клямкин, Ю.Г. Коргунюк, О.В. Крыштановская, С.П. Перегудов, В.Л. Римский, А.М. Салмин, М.Х. Фарукшин, К.Г. Холодковский, М.А. Чешков.

Проблемы политической конкуренции в электоральном процессе нашли отражение в трудах Г.П. Артемова, М.Н. Афанасьева, В.Я. Гельмана, Г.В. Голосова, Э.М. Зотовой, С.М. Елисеева, А.В. Иванченко, А.В. Кынева, В.П. Любина, А.Е. Любарева, А.В. Лихтенштейн, Б.И. Макаренко, М. Макфол, С.А. Маркова, О.В. Поповой, Л.В. Сморгунова, С.Н. Пшизовой, С.М. Хенкина, Ю.Д. Шевченко, Т.М. Шмачковой, А.Ю. Шутова, Н.В. Яргомской.

Политическую конкуренцию на региональном уровне исследовали М.Н. Афанасьев, В.А. Ачкасова, В.Я. Гельман, И.В. Куколев, В.Н. Лысенко, П.В. Панов, А.И. Селиванов, Л.В. Сморгунов, С. Солник, М.Х. Фарукшин, В.Н. Шубкин.

Проблемы политической конкуренции в Казахстане нашли отражение в работах Ю.А. Булуктаева, А.В. Власова, М.А. Казбековой, Л.И. Кармазиной, А.Н. Куртова, Г.А. Нурымбетовой, А.В. Тонганбаева, Т.А. Шаймергенова.

Среди зарубежных авторов, продуктивно занимавшихся проблематикой политической конкуренции в социологическом ключе, следует назвать известных исследователей в области социологии: П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Лумана, С. Липсета, Ст. Роккана, Т. Парсонса, П. Штомпку, Й. Шумпетера.

Методологическую и теоретическую основу монографии представляет совокупность политологических и социологических концепций, используемых для изучения политической и электоральной конкуренции, средств и методов управления содержанием и масштабами ее развития в условиях становления демократии и глобализации общества. Отличительной чертой исследования стало использование неинституционального подхода в анализе влияния электоральных институтов и практик на развитие политической конкуренции в России и Казахстане.

ГЛАВА I

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Становление новых демократий в Европе и в странах СНГ обострило в политической науке спор относительно влияния объективных и субъективных факторов на развитие политических процессов. Суть спора состоит в том, с позиций какой теории или логики исследовать политические процессы: «макросоциальных теорий и логики объективных условий» или теорий среднего уровня и «логики акторов»¹. Сторонники макросоциальных теорий подчеркивают детерминирующую роль социальных и экономических факторов, окружающей среды на становление и развитие политических институтов и политических акторов. В этой связи они справедливо указывают на то, что в посткоммунистических странах мы являемся свидетелями неоднородности не только в сфере политики, но и в экономике, и в социальной структуре. Для многих из них этот факт означает невозможность в настоящее время исследовать партии и партийные системы на основе теории расколов С. Роккана и С. Липсета, теоретически описывающей процессы формирования устойчивых коллективных идентификаций². Аргументируя свою позицию, они подчеркивают, что в настоящий период нельзя доверять только логике акторов. Необходимо учитывать свойственную институтам гражданского общества слабость, недолговечность и текучесть вновь образованных партийных элит, принимать во внимание бесспорные факты электоральной изменчивости, быстро изменяющиеся партийные идентификации и партийные конфигурации. Сторонники микросоциальных теорий, напротив, исходят из относительной автономии акторов и подчеркивают их активную заинтересованную созидающую роль в процессах трансформации, делают акцент на рациональности институционального

¹ *Елисеев С.М.* Выйти из «Бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис. 2002. № 6.

² *Markowski A.* Political Parties and Ideological Spaces // East Central Europe Communist and Post-Communist Studies. 1997. Vol. 30. N 3. P. 247; *Seiler D.L.* Les partis politiques dans l'Europe du Centre Est: Essai de theorization / M. Telo (Ed.) De la nation á l'Europe. Bruxelles : Braylant, 1993. P. 341–363.

выбора¹. Эта дилемма отражена в продолжающихся дебатах между двумя школами в политической науке: школой политической социологии, более склонной к детерминизму, к концепции первенства социальной структуры и экономики по отношению к политике, и школой политического институционализма, более склонной к признанию первенства политики в отношении остальных подсистем общества и поддерживающей теории рационального выбора. Если мы будем трактовать партии как своеобразных пленников социальных расколов, то рискуем совершить ошибку, о которой в свое время предупредил Дж. Сартори, то есть попасть под своего рода экономическое и «социологическое суеверие», лишаящее партии свободы выбора. Но не менее опасна и другая крайность, наделяющая политических акторов способностями умышленно создавать социальные и политические расколы, предвидя в них для себя определенную выгоду.

Наша позиция заключается в следующем: современная политика не может быть сведена только к одной группе факторов, объективных или субъективных. Концепции социального и экономического детерминизма политики довольно точно описывают длительные периоды политического развития. Но они теряют значительную часть своего потенциала при анализе сравнительно коротких исторических периодов, совпадающих, например, с электоральным циклом. Социологический подход содержит возможность недооценки активной и заинтересованной роли политических акторов в процессах создания нового институционального политического порядка. С этой точки зрения более перспективным по своим эвристическим возможностям и объяснительным моделям выглядит когнитивно-институциональный подход², который учитывает влияние внешних социальных условий на действия акторов. Он также хорошо сочетается со структурным подходом исследований переходов от авторитаризма к демократии, предложенным Т. Карлом и Ф. Шмиттером³.

С позиций когнитивно-институционального подхода каждый актор есть коллективная фигура, укорененная в социальных отношениях, которые определяют имеющиеся культурные сценарии (cultural

¹ *Ekiert G.* Peculiarities of Post-Communist Politics: The Case of Poland // *Studies in Comparative Communist.* 1992. Vol. 25. № 4.

² *Флигстин Н.* От сетей и институтов к схемам действия // *Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу.* М., 2000.

³ *Karl T., Schmitter Ph.* Model of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // *International Social Science Journal.* 1991. Vol. 43. № 128. P. 269–284.

scripts). У него нет иного пути, кроме как следовать предписаниям, которые могут отражать его интересы, ценности, роли или нормы. Поведение акторов во многом зависит от присущих им ценностно-когнитивных структур восприятия и оценки полей взаимодействия и связанного с ними риска, то есть от развития его когнитивных способностей. Попадая в ситуацию институционального выбора, в результате которого должны появиться новая институциональная среда, новые правила, нормы, ограничения и санкции, господствующие группы акторов оценивают свои ресурсы и предпочтения, ресурсы и предпочтения своих оппонентов, конструируют такую институциональную среду и выбирают такие способы действия, которые в принципе стабилизируют систему политического взаимодействия и в то же время максимизируют их привилегированные позиции и собственный символический капитал. Следовательно, выбор тех или иных политических институтов, конструирование конкретного политического поля взаимодействий не являются результатом спонтанно действующих сил, существующих независимо от человеческой воли, а, напротив, есть результат осознанных волевых целенаправленных действий, благоприятствующий достижению определенных результатов. Исходя из данной методологической посылки, сначала перейдем к общему анализу условий и факторов развития политической конкуренции, а затем проследим на конкретном материале особенности ее развития в России и Казахстане.

1.1. Условия и факторы развития политической конкуренции как проблема современной политической науки

Проблема развития многопартийности и политической конкуренции в условиях перехода к демократии является одним из важных направлений современных политологических исследований. В демократической политической системе электоральный процесс является одним из базовых основополагающих ее характеристик. Содержанием электорального процесса выступает формирование легитимных органов государственной власти и управления при участии структур гражданского общества, самих граждан, осуществляющих свободный выбор в форме голосования, в результате чего происходят изменения в структурах власти и политических элит, в режимах функционирования властных органов, в поведении и культуре политических акторов, в политических курсах правительства.

Электоральные институты и электоральные практики выступают в качестве одной из самых динамичных характеристик политической системы. В современном мире одной из оценок уровня развития демократии выступают именно выборы и электоральные системы, то есть процедуры проведения выборов и подсчет голосов избирателей. Это связано с тем, что конфигурация политической системы, расстановка политических сил и направление развития политических процессов очень часто определяются результатами выборов. Исследователи Р. Таагенера и М. Шугарт отмечают: «По сравнению с другими элементами политической системы, электоральными правилами легче всего манипулировать в политических целях. Имеется в виду не то, что избирательную систему легко изменить, а то, что остальные элементы системы изменить еще сложнее»¹.

Относительная простота изменения электоральных институтов по сравнению с другими элементами политической системы порождает тенденции к частным институциональным изменениям, как с целью манипулирования, так и с целью получения дополнительных предпочтений перед конкурентами на следующих выборах. При этом внесение изменений может происходить на разных уровнях власти. Например, в федеративном государстве они могут быть осуществлены как на федеральном, так и на региональном уровнях. В федеративном государстве электоральные процессы протекают на трех уровнях политической системы — федеральном, региональном, местном. Федеральные электоральные процессы являются основными. Они определяют легитимность, стабильность, действенность, эффективность и персональный состав власти на федеральном уровне.

Партии и конкуренция между ними за возможность участвовать и осуществлять правительственный курс являются фундаментальной характеристикой современной политики. Конкуренция между партиями может существовать как в авторитарных политических системах, так и в демократических. Хотя природа и содержание политической конкуренции в одном и в другом случаях будут существенно отличаться. Современная представительная демократия основывается на конкуренции партий и их лидеров за право осуществлять политическую власть, формировать представительные органы государственной власти, определять основные направления внутренней и внешней политики.

«Партии, — писал К. Джанда, — это особый политический институт общества, опирающийся на поддержку граждан с целью за-

¹ Таагенера Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем // Полис. 1997. № 3. С. 122.

мещения правительственных должностей своими признанными представителями»¹. Аналогичной точки зрения придерживается и авторитетный немецкий политолог К. фон Бейме. «Партии, — пишет он, — это общественные организации, конкурирующие между собой на выборах во имя достижения власти»². Развитие стабильных и представительных партий, честно конкурирующих между собой за успешное разрешение важнейших проблем своего общества, является одним из условий укрепления демократии. Когда партии слабы, все остальные институты государства становятся малоэффективными и уязвимыми.

В условиях демократии избирательные системы выступают институциональными условиями развития партийной конкуренции. Традиционно под избирательной системой понимают совокупность норм, правил, регламентирующих порядок проведения выборов в представительные органы государственной власти и способ подсчета голосов. Эти нормы и правила регулируют деятельность органов государственной власти, осуществляющих проведение выборов, определяют статус избирателей и избирательных объединений или политических партий, устанавливают процедуры предвыборной агитации и голосования; порядок определения результатов выборов и способы обжалования результатов голосования. Закономерным поэтому является тот факт, что проблемам развития партий и межпартийной конкуренции в политической науке всегда уделялось и уделяется столь большое внимание. В рамках данной работы нет возможности и необходимости подробно останавливаться на всех аспектах проблемы. Тем не менее, хотелось бы выделить наиболее значимые исследования и содержащиеся в них выводы, которые оказали влияние на научные представления об условиях и факторах развития партийной конкуренции в современном обществе.

Исследование электоральных систем и электоральных практик является одним из главных направлений политической науки. В современном обществе институту выборов как механизму формирования органов власти и управления с помощью выражения политической воли граждан придается особое значение. Это связано с распространением в современном обществе убеждения о необходимости формирования органов государственной власти с учетом мнений и представлений граждан. В этом плане выборы стали достаточно эффективным способом

¹ Цит. по: Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. С. 93.

² Там же.

легитимации политической власти. Они являются своеобразным индикатором уровня доверия и поддержки политических институтов и политического курса правительства.

В современном мире достаточно сложно найти государство с республиканской формой правления, которое бы осуществляло политический процесс без выборов и открыто признавало себя деспотическим или тоталитарным. Существование той или иной избирательной системы устанавливает границы политической конкуренции и плюрализма, способствует (или наоборот, препятствует) развитию политических партий, политическому представительству интересов различных социальных групп общества и, наконец, во многом определяет степень электоральной активности граждан, формы и способы их участия в политике. Таким образом, электоральные системы и процессы являются одной из важнейших характеристик современных демократий, систематическое изучение которых составляет устойчивую и теоретически разнообразную традицию современной политической науки.

Условно исследования электоральных систем и процессов можно разделить на два основных направления: социологическое и институциональное.

В рамках социологического направления обращают внимание на поведение избирателей и социальные факторы, его обуславливающие. Поведение избирателей является главным объектом исследования. Оно рассматривается как зависимая переменная, определяемая социально-структурными факторами. В рамках данного направления избирательная система является только одним из факторов, опосредованно воздействующих на поведение избирателей. Она задает границы политической конкуренции, способствует формированию партий и партийной системы, ориентации на которые оказывают влияние на электоральный выбор избирателей.

Одним из наиболее авторитетных исследований социологического направления остается работа М. Дюверже «Политические партии», впервые опубликованная в 1951 г. и переведенная на русский язык в 2000 г.¹ В ней был поднят ряд вопросов, которые продолжают вызывать интерес уже нескольких поколений политологов. К числу наиболее важных из поставленных Дюверже вопросов относятся два, касающиеся различий между плюральными системами и пропорциональной системой: каким образом сказываются на партийных системах изменения избирательных систем? В какой мере так называемые

¹ Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

психологические эффекты избирательных систем отражаются на поведении избирателей?

Сам М. Дюверже считал, что система простого большинства усиливает дуализм в политике, заставляя избирателя выбирать между двумя основными партиями, в то время как пропорциональная система подрывает его, расширяя спектр политического выбора и поддерживая многопартийную систему. Дюверже вывел определенную закономерность, известную под названием «закона Дюверже». Смысл ее заключается в том, что система простого большинства в одномандатных округах ведет к двухпартийной системе, а пропорциональная система стимулирует развитие многопартийности. В то же время он отмечал, что выявленная им взаимосвязь проявляет себя в длительной исторической перспективе, когда дает о себе знать «механический эффект» избирательной системы. Политические партии, показавшие на выборах третьи или более низкие результаты, обычно получают диспропорционально мало мест в парламенте. Постепенно избиратели начинают сознавать, что отдавать им свои голоса — значит тратить их впустую, и перестают за нее голосовать. Так, с точки зрения Дюверже, проявляется «психологический эффект» избирательной системы.

«Законы Дюверже» вызвали бурный интерес исследователей и породили новые плодотворные дискуссии. Дж. Сартори выразил сомнение в том, что пропорциональная система всегда ведет к умножению числа партий. Он первым обратил внимание на тот факт, что психологический эффект, ограничивающий число партий, может проявляться и в условиях пропорциональной системы. Это может происходить в так называемых «сильных» избирательных системах, к которым, по его мнению, относятся системы с величиной округа от одного до пяти. Подобные системы оказывают давление на избирателей и партийных лидеров, создавая дополнительные стимулы к сокращению числа партий. По его мнению, в условиях новых демократий пропорциональная избирательная система может также сдерживать или ослаблять центробежные тенденции, присущие системе простого большинства¹.

Позиции М. Дюверже и Дж. Сартори объединяет то, что они, прежде всего, интересовались воздействием избирательных систем на политику. Вне их внимания оказались явные и скрытые возможности обратного воздействия политики на избирательную систему.

¹ Таагенера Р., Шугарт М. Описание избирательных систем // Современная сравнительная политология. М., 1997. С. 191.

Как писал по этому поводу один из первых критиков Дюверже Дж. Грамм, на практике партийная система вообще предшествует избирательной. В странах с уже сложившейся мультипартийностью пропорциональная система принималась именно для того, чтобы устранить наиболее кричащие несоответствия между долями голосов и количеством мест¹.

Спустя десятилетие С. Липсет и С. Роккан предложили концепцию социально-политических расколов (*clevedge*)². В ней они на широком историческом материале западных стран убедительно доказали, что на процессы формирования партийных систем в Европе оказали влияние базовые социальные конфликты, а именно: между центром и периферией, церковью и государством, городом и селом, собственниками и рабочими. В результате в Западной Европе сложились относительно стабильные партийные системы, основывающиеся на стабильности партийных предпочтений и воспроизводящихся политических позиций.

Согласно теории Липсета–Роккана социальные размежевания формируются «снизу вверх». Базовые социально-политические идентичности возникают в результате естественного развития общества, а политические институты и акторы являются своеобразными надструктурными образованиями, складывающимися на основе более широкой социальной базы. Следовательно, согласно интерпретации Липсета и Роккана в основе развития партийной конкуренции лежат объективные, независимые от партий социально-экономические переменные. Именно они способствуют формированию социально-политической идентичности, которая находит свое выражение и закрепление в деятельности той или иной политической партии.

Однако в 1970-е гг. социальная природа расколов была поставлена под сомнение. Сторонники институционального подхода даже заговорили о том, что политические партии способны преднамеренно политизировать или деполитизировать некоторые линии размежеваний. Этот вопрос вновь приобрел актуальность в 1990-е гг., когда политологи стали изучать процессы становления партий и партийных систем в посткоммунистических странах. Здесь же будет уместно уточнить, что последующие исследования С. Роккана, предпринятые с целью изучения факторов, объясняющих многообразие применяемых в мире избирательных систем, привели его к важному выводу

¹ Там же. С. 189.

² *Lipset S., Rokkan S. Clevedge structures, party systems and voter alignments. An introduction // Party systems and voter alignments. N. Y., 1967.*

в интересующей нас проблематике. Он сформулировал две основные причины перехода от мажоритарной к пропорциональной системе выборов. Исторически первой из них была защита меньшинств, или, с точки зрения пошедших на реформу избирательной системы правящих кругов, защита национального единства перед лицом возможного бунта недопредставленных групп. Второй причиной послужило расширение избирательного права: под нажимом рабочих партий традиционные партии шли на введение всеобщего избирательного права, но при этом пытались гарантировать собственные позиции в законодательных органах перед лицом новых избирателей, склонных голосовать за социалистов. В 1980-е гг. А. Лейпхарт предложил выделить и третью причину — подражание. Принятая сначала в нескольких странах, пропорциональная система начала, как инфекция, распространяться по свету¹.

Институциональный подход к анализу электоральных систем по-прежнему остается наиболее распространенным. Традиционно в рамках данного направления исследуются вопросы влияния различных институциональных факторов (типа избирательной системы, величины избирательного округа, процедуры голосования, электорального порога, порядка распределения мест в парламенте, интервала между парламентскими и президентскими выборами) на электоральное поведение граждан, процессы развития политических партий, парламентаризма и т. д.

Кроме двух основных направлений, в последней четверти XX столетия формулировались и другие подходы к анализу проблемы. Так, В. Гельман предложил в свое время выделить транзитологический подход². В его задачи входит анализ роли и места выборов в контексте процессов демократического транзита. Однако данный подход не получил достаточно широкого распространения в российских исследованиях. Кроме того, можно выделить подход, основывающийся на теории рационального выбора³. Он, по мнению Л.В. Сморгунова, находится на стыке с институциональным анализом избирательных систем и процессов и, по своим методологическим предпосылкам, скорее ближе к неоинституциональной теории.

Теоретики рационального выбора делают акцент на избирательные нормы и поведение, но, в отличие от социологического направления, рассматривают это поведение как активный фактор, действующий

¹ Таагенера Р., Шугарт М. Указ. соч.

² Выборы и партии в регионах России. СПб., 2000. С. 29–32.

³ Сморгунов Л.В. Указ. соч. С. 218.

в контексте процедур. В отличие же от положений институционалистов, сами нормы и процедуры берутся не как данные, а творимые и приспособляемые к ситуации. В качестве примера приведем две предпосылки, положенные Питером Фишбоном в основу исследования поведения кандидатов в президенты в различных плюральных избирательных системах: «Наше обсуждение мотивируется двумя аксиомами политического поведения. 1. Процедуры прямых выборов могут воздействовать не только на поведение и результаты выборов, но могут также влиять на основные политические структуры. 2. Индивиды, обладающие политической властью, часто опасаются предлагаемых электоральных перемен и будут им противодействовать, если эти переменны рассматриваются как враждебные собственным интересам»¹. Для описания избирательных процессов здесь используются понятия теории игр и анализируется влияние избирательных технологий на электоральное поведение граждан.

Как нам представляется, социологическое направление анализа факторов и условий формирования партийной конкуренции не находит должного подтверждения ни в странах Восточной Европы, ни в России. И дело не только в том, что оно с научной точки зрения неверно или ошибочно. Скорее можно говорить о том, что оно направлено на изучение макрополитических и макросоциальных процессов. Трансформация посткоммунистического общества носит предельно динамический характер, что препятствует в короткий исторический период формированию устойчивых социально-политических идентичностей. Партии не могут в этих условиях опираться на социально-политические размежевания в трансформирующемся обществе, поэтому они вынуждены в своей деятельности в основном опираться на иные источники и ресурсы. К ним относятся, прежде всего, вновь созданные нормы, правила и институты. Среди последних особо нужно выделить институт парламентаризма, который как никакой другой демократический институт выражает и отражает уровень партийной конкуренции. Закономерно поэтому выглядит тот факт, что политические элиты и партии концентрируют свою деятельность преимущественно в органах государственной власти и управления. Как свидетельствует опыт стран Восточной Европы, наиболее успешные партии после 1989 г. были *полностью парламентскими*, использующими «широкозахватные» избирательные стратегии². С методологи-

¹ Цит. по *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология. С. 218.

² *Инс Э.* Конкуренция партий в посткоммунистической Европе: большая электоральная лотерея. URL: dialogs.org.ua

ческой точки зрения можно утверждать, что макрополитические теории в основном описывают состояние, закономерности и тенденции развития устойчивых демократических систем, имеющих стабильную социально-экономическую и политическую структуры.

Политико-социологические теории, созданные в период относительно стабильного развития западного общества, по сути, призваны объяснить исторические, социальные и политические причины, приведшие к стабильности. Они были нацелены на выявление основных факторов стабильности демократических институтов. Это присуще как теории политических систем в целом, так и отдельным политико-социологическим теориям, таким как теория политических партий М. Дюверже, теория социальных расколов С. Липсета и С. Роккана, теория политической культуры Г. Алмонда. Общим для всех них является установка на решающую (детерминирующую) роль социально-структурных факторов в политической деятельности акторов. При этом само состояние актора, его социальный и политический опыт, его интересы и цели, его возможности воздействия на условия внешней среды мало интересовали ученых.

Однако в условиях распада старых политических систем и становления новых роль и значение акторов в политическом процессе становятся исключительно значимыми. Именно к такого рода процессам относятся процессы посткоммунистической трансформации. Политическим акторам для преодоления кризиса и достижения стабильности системы необходимо сделать исторический и институциональный выбор, от содержания которого во многом будет зависеть не только динамика политического процесса, но и условия, детерминирующие их деятельность в будущем. Возрастание роли актора как субъекта демократического транзита не означает умаления значения социально-экономических и культурно-политических факторов. Скорее речь идет о возникновении их более сложного взаимодействия¹, раскрытие смысла и содержания которого в значительной мере способствует пониманию содержания и закономерностей трансформационных процессов.

В этом плане более перспективным нам представляется современный институциональный подход, позволяющий объяснить появление конкретных политических институтов, выявить динамику их эволюции и способы воздействия на социальную практику.

¹ *Вайнштейн Г.И.* Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий XX–XXI вв. М. : Дубна : Феникс, 2001. С. 154.

Для нового институционализма характерны ярко выраженные черты конструктивизма в политической науке. Как известно, конструктивизм «основан на том, что социальное действие создает и изменяет общественные отношения и институты. Поэтому он избегает причинных схем объяснения социальной реальности и стремится выявить внутренние механизмы повседневного осознанного или неосознанного поведения людей»¹. В рамках современного институционального подхода достаточно полно учитывается взаимосвязь между акторами трансформационного процесса и институциональными условиями, институционализирующей средой и практикой деятельности социальных акторов. Иными словами, современный институциональный подход позволяет достичь адекватного учета максимального числа релевантных факторов, влияющих на траекторию институционального развития². Современный институциональный подход как раз позволяет раскрыть роль и значение конкуренции в развитии институтов демократии и обратное воздействие созданных политических институтов на развитие политической конкуренции и образование устойчивых практик повседневного поведения.

Неоинституциональный подход — достаточно широкое методологическое направление, объединяющее несколько школ и традиций³. Он не представляет собой единой теории, в его рамках возникли и получили развитие разные подходы и концепции, рассматривающие многообразный круг проблем. Новый институционализм исходит из того, что он имеет общее теоретическое ядро, которое может быть использовано для изучения широкого круга эмпирических проблем. Речь идет именно о наборе базовых предположений и установок, именно о методологии, а не о предмете. Подход — это не четкая субдисциплина, но скорее позиция, позволяющая критиковать и перерабатывать идеи и эмпирические исследования в широком массиве тем. Методологическое значение институционализма состоит в том, чтобы направлять различные научные исследования⁴.

¹ *Артемьев Г.П.* Политическая социология. СПб., 2000. С. 15–16.

² *Ткачев Д.Ш.* Особенности функционирования социальных сетей на постсоветском пространстве // Полис. 2006. № 1. С. 67.

³ *Патрушев С.В.* Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы: Зарубежная политология на рубеже столетия: сб. науч. трудов // Политическая наука. 2001. № 2; *Панов П.В.* Теории политических институтов. Пермь, 2004.

⁴ *Diermeier D., Krehbiel K.* Institutionalism as a Methodology // Journal of Theoretical Politics. 2003. Vol. 15. № 2. P. 124.

Основными методологическими принципами нового институционализма являются:

- понимание и признание ограниченности человеческого существования, проявляющееся в ограничениях разного рода;
- отказ от предположений о возможности полной информации и о «суперрациональности» индивида.

Реальный («неоинституциональный») индивид рационален, но до известной степени. Он может действовать как оппортунистически или ограниченно эгоистически, так и ограниченно альтруистически и даже полностью альтруистически. Но в любом случае индивид не в состоянии полностью рассчитать и просчитать, а значит, и предвидеть все последствия своих целенаправленных действий — индивидуальных или коллективных, не говоря уже о непреднамеренных.

В политической науке неоинституциональное направление возникает в результате обращения исследователей к достижениям других научных дисциплин, что породило «экономический» (или «институционализм рационального выбора»), «социологический» (в нормативном и когнитивном вариантах), «исторический» «институционализмы»¹. Отдельные исследователи выделяют только два главных направления: социологическое и институционализм рационального выбора².

Несмотря на наличие существенных расхождений, авторы различных «новых институциональных» течений следят за работой друг друга, что можно трактовать как институционализацию «новых институционализмов». Поэтому, наверное, коренные принципы и подходы к анализу политических процессов у представителей неоинституционального направления в целом совпадают. Как отмечает один из представителей неоинституционализма Нил Флигстин, есть четыре момента (не сформулированных явно, но в глубине души разделяемых неоконституционалистами), по поводу которых в данном направлении нет серьезных разногласий. Во-первых, все новые институциональные теории исследуют то, как конструируются локальные социальные порядки [local social orders], которые могут быть названы «полями», «аренами» или «играми». Во-вторых, новые институциональные течения основываются на теории социального конструктивизма в том смысле, что они рассматривают создание институтов как результат социального взаимодействия между акторами, сталкивающимися друг с другом на полях или аренах. В-третьих, предписанные

¹ *Панов П.В.* Теории политических институтов. Пермь, 2004. С. 22.

² *Blom-Hansen J.* A “New Institutional” perspective on Policy networks / Public Administration. 1997. Vol. 75. P. 674.